На правах рукописи

Говорухина Юлия Анатольевна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2010

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор Суханов Вячеслав Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Анисимов Кирилл Владиславович

доктор филологических наук,
профессор Крылов Вячеслав Николаевич

доктор филологических наук,
профессор Силантьев Игорь Витальевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Защита состоится «27» октября 2010 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. филол. наук, профессор Л. А. Захарова

Общая характеристика работы

Актуальность и постановка проблемы исследования. Современный этап литературоведения характеризуется ситуацией методологического плюрализма, гуманитарного «взрыва» (Ю. М. Лотман), «эпистемологического разрыва» (М. Фуко), совпавшего с тотальной модернизацией всех уровней социальной жизни. Рубеж XX – XXI веков в гуманитарной сфере – время терминологической неопределенности, когда понятия лингвистики, философии, психологии и психоанализа, социологии, культурологии, герменевтики и семиологии конкурируют в языковой картине мира. Возникают новые области гуманитарного знания, обостряются терминологические и понятийные проблемы, формируются многообразные подходы к исследованию и истолкованию как отдельных терминов, текстов, литературных явлений, так и литературного процесса в целом. Все это определяет актуальность изучения разных уровней литературного процесса рубежа XX – XXI веков: от изучения художественных миров отдельных авторов до выявления закономерностей, тенденций развития ведущих (литературных) направлений в широком литературном контексте. В то же время предметом большинства исследований становится по преимуществу художественная литература, в то время как современная литературная критика, являющаяся неотъемлемой частью литературного процесса и выполняющая функцию самосознания литературы, пока должным научным образом не описана и не исследована. Формирующиеся новые методологические подходы используются для исследования исключительно художественной литературы. Литературная критика изучается в рамках прежних методологических парадигм, созданных в 1970 – 1980-е годы – в период активного развития теории критики (работы В. И. Баранова, Ю. Б. Борева, А. Г. Бочарова, Б. И. Бурсова, А. С. Бушмина, А. Я. Иезуитова, В. Н. Коновалова, М. Я. Полякова и др.). Позитивистски ориентированная и в этом своем качестве генетически восходящая к метакритике XIX века, теория критики этого периода актуализирует понятия «метод», «объективность», «научность», направляет исследовательские усилия на анализ содержательных, проблемных историко-культурных аспектов литературно-критической практики. В конце 1980-х – начале 1990-х годов литературоведение накапливает основательный опыт критического осмысления позитивистских концепций литературной критики (в работах В. С. Брюховецкого, Г. А. Золотухина, В. Е. Хализева, Л. В. Чернец), однако методологического обновления, которое могло бы послужить импульсом дальнейшего активного развития теории, в 1990-е годы не произошло. Сегодня теория критики как отдельная самостоятельная ветвь литературоведения практически не существует, отсутствуют методологические и теоретические основания для исследования современной литературно-критической практики. Внимание литературоведения обращено к истории критики, персональным критическим

дискурсам XIX – начала XX веков[1], истории критики того или иного региона[2]. К новейшему времени хронологически наиболее приближены исследования, посвященные критике А. И. Солженицына[3]. Научное же изучение современной критики, главным образом, ограничивается узким лингвистическим аспектом[4], посвящено новым формам бытования критики[5]. Отсутствуют целостные монографические исследования, посвященные осмыслению специфики литературно-критической деятельности и ее структуры, взаимодействия критики и риторики, изучению современной критики: ее проблемно-тематического поля, методов, ведущих персональных коммуникативных и интерпретационных стратегий, типологии дискурсов.

Такая ситуация в изучении современной литературной критики детерминирована, на наш взгляд, двумя основными группами взаимосвязанных социокультурных и теоретико-методологических причин. Первая – специфика самой литературно-критической ситуации. Еще в XIX веке сложилось мнение о том, что в идеале именно критика определяет направление, стержень журнала. Переходные периоды 1950-х – начала 1960-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Октября»), второй половины 1980-х – начала 1990-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Молодой гвардии», «Огонька») – время острейшей журнальной борьбы, пропаганды своих ценностей. Идеологическая составляющая в период «оттепели» и перестройки обусловливала особенности литературно-критического мышления, ценностные иерархии, оценки. Критика являлась центром общественного внимания, литературные статьи вызывали отклик не меньший, чем сами литературные произведения, а «толстые» журналы переживали настоящий бум. В 1990-е годы, по мнению самих критиков, критика перестает восприниматься как поле идеологической борьбы, журналы теряют былое позиционное единство, а в конце 1990-х – начале 2000-х

---

[1] Ермолаева И. Литературно-критический метод В. В. Розанова: Истоки. Эволюция. Своеобразие: дис. ... к. филол. наук. – Иваново, 2003; Юрина Н. Литературно-критическая концепция В. С. Соловьева: истоки, становление, развитие: дис. ... к. филол. наук. – Саранск, 2004; Локтева С. Типологические принципы литературной критики А. М. Скабичевского: дис. ... к. филол. наук. – Смоленск, 2005; Крылов В. Русская символистская критика (1890-1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика: дис. ... д-ра. филол. наук. – Казань, 2007; Чернаков И. «Художественная критика» И. Ф. Анненского в составе его литературного наследия: дис. ... к. филол. наук. – Вологда, 2007 и др.

[2] Плюхин В. Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: дис. … д-ра филол. наук. – Абакан, 2008.

[3] Автократова Т. Из литературной коллекции А. Солженицына как явление писательской критики: дис. … к. филол. наук. – Тюмень, 2004; Алтынбаева Г. Литературная критика А. И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора: дис. ... к. филол. наук. – Саратов, 2007; Малышкина О. Писательская критика в жанровой структуре книги А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом»: дис. … к. филол. наук. – Тюмень, 2010.

[4] Гугунава Д. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодер-низма: дис. ... к. филол. наук – Нижний Новгород, 2003.

[5] Сергунина Н. Литературная критика в рулинете как звено коммуникативной системы: автор-текст-аудитория. Теория вопроса: дис. ... к. филол. наук. – М., 2006; Чиненова О. История телекритики в России на фоне истории русской литературной критики: дис. ... к. филол. наук. – Саратов, 2006; Пасынков Н. Литературная критика в средствах массовой информации в русскоязычном интернете 1994 – 2006 гг.: дис. ... к. филол. н. – М., 2006.

годов процесс противостояния перетекает в процесс диффузии[6]. Неслучайно в дискуссиях последних лет одной из причин упадка журналов называют публикацию в них идеологически (в широком значении) разнонаправленных публицистических и литературно-критических работ. Консервативно ориентированная критика уже в 1990-е годы преодолевает сложившийся своеобразный закон критического освоения только «своих» текстов, а либеральная во второй половине 1990-х практически перестает быть агрессивной в отношении своих оппонентов. Литературная критика утрачивает прежний статус идеологического стержня журнала. По инерции еще продолжается деление «толстожурнальной» критики на либеральную и консервативную (патриотическую), однако, оно уже не определяет то семантическое ядро, которое позволяло бы говорить о том или ином «толстом» журнале как о сверхтексте, о «новомирском», «знаменском» и других типах литературно-критического дискурса.

Ситуация идентификационного кризиса в критике 1990-х годов осложнилась сменой поколений: большая часть критиков периода «оттепели», для которых процесс самоидентификации предполагал в основном социальное и идеологическое самоопределение, уходит из литературной жизни. Приходящее в критику молодое поколение работает в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, ему в меньшей степени свойственно стремление выступать «от группы» и более характерен эгоцентричный тип проявления «самости».

Вторая группа причин эпистемологического тупика отечественной теории критики – отсутствие методологической парадигмы, которая была бы релевантна особенностям литературно-критического мышления переходной эпохи, сформированного кризисными социокультурными обстоятельствами. Все это обнажает проблему построения нелинейной модели литературно-критической деятельности, типологии литературной критики, поиска новых классификационных критериев, лежащих в области текстопорождающих механизмов. Существующие сегодня основания типологии современной критики (по форме бытования: журнальная, газетная, телевизионная, сетевая; по ценностно-идеологическому критерию: либеральная, патриотическая) охватывают лишь видимый пласт литературно-критического дискурса и не дают представления о коммуникативных и интерпретационных механизмах современной литературной критики, самоидентификационных процессах, протекающих в ней.

---

[6] Так, например, А. Василевский отмечает: «Идет процесс медленной диффузии между «патриотической» и «либеральной» сферами в местах их соприкосновения. Эта диффузия имеет самые разные формы» (см.: Ответственность и ответность литературной критики: материалы круглого стола [Электронный ресурс]. URL: http://lecture.imhonet.ru/element/1005065/ (дата обращения: 16.12.2010).

В обстоятельствах отсутствия теоретико-критического дискурса функцию самоосмысления берет на себя сама критика. В «толстых» журналах рубежа XX – XXI вв. она представляет такой опыт интерпретации и самоинтерпретации, который начинает противоречить сложившимся теоретико-критическим описаниям, требуя смены научного подхода. Традиция классической методологической герменевтики, полагающая средоточие смысла в авторской интенции либо в самом тексте, не «совпадает» ни с опытом интерпретационной деятельности, ни с самопредставлением современного критика, который склонен в собственной деятельности видеть процесс самоосмысления, понимания не столько текста, сколько себя в связи с этим текстом, и который воспринимает литературно-критический акт как творческий, сродни художественному. Ситуация «конфликта интерпретаций» внутри метакритики (теоретико-критической и литературно-критической) делает актуальным поиск нового методологического основания для исследования критики постсоветского периода, которое, с одной стороны, преодолевало бы позитивистскую гносеологическую парадигму, а с другой, соответствовало литературно-критической практике и отразившимся в ней коммуникативным (в широком значении) установкам. На наш взгляд, таким основанием для адекватного современной литературной критики метакритического описания может стать герменевтико-онтологическая философская традиция в комплексе с «археологическим» структурализмом М. Фуко и коммуникативным подходом к тексту.

Таким образом, **актуальность** настоящего диссертационного исследования связана, с одной стороны, с теоретической необходимостью исследования современного литературно-критического дискурса как способа осмысления и описания социокультурных событий постсоветского периода в социальном и экзистенциальном аспектах и поиска новой литературно-критической (само)идентичности; изучения литературной критики в контексте теоретической проблемы способов презентации события в различных нарративных дискурсах, а с другой стороны, с описанием критики как особого коммуникативного пространства, в котором смысловая организация критического текста и структура предполагаемой авторской программы воздействия на читателя находятся в особом взаимодействии с прагматикой текста. Актуальность диссертации связана и с необходимостью изучения интерпретационных и коммуникативных стратегий ведущих ее представителей как форм проявления типологического и индивидуального в осмыслении социокультурных явлений и поисках самоидентичности.

С актуальностью диссертации связана и ее **научная новизна:** впервые в отечественном литературоведении литературно-критическая деятельность исследуется в аспекте онтологической герменевтики и теории коммуникации как особого рода целостный дискурс, что служит новым основанием для типологии литературной критики, функционирующей в эпоху «разрыва».

Осмысление литературной критики как дискурсивной деятельности особого рода позволяет впервые исследовать интерпретационные стратегии критики «толстых» журналов как отражение поисков новой идентичности (самоидентичности) в эпистемологической ситуации рубежа XX – XXI вв. и выявить взаимосвязи типологического и феноменального в анализе персональных критических стратегий. Впервые исследуется все множество литературно-критических текстов, опубликованных в «толстых» журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия» на рубеже XX – XXI вв., а также персональные интерпретационные стратегии ведущих критиков (Н. Ивановой, В. Бондаренко, М. Липовецкого, В. Курицына, Д. Быкова).

Материал исследования. Авторы немногочисленных исследований современной литературной критики опираются на тексты ведущих литературных критиков. Такой подход к отбору материала основывается на справедливом убеждении, что именно они (ведущие критики) определяют общий модус и направление развития литературно-критической мысли, делают открытия, которые затем «подхватят» и развернут критики второго и третьего ряда.

Построение типологии литературной критики рубежа XX – XXI вв. требует привлечения всего множества критических текстов, опубликованных в период с 1992-го по 2002-й год, поэтому основным материалом исследования стала идеологически и эстетически многообразная литературная критика «толстых» журналов («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия»). Выбор в качестве материала «толстожурнальной» критики обусловлен тем, что она представляет такую форму бытования литературной критики, которая наиболее остро почувствовала системный и, в том числе, литературный, кризис конца XX века и в этом смысле наиболее явно демонстрирует процесс поиска новой идентичности.

Выбор журналов обусловлен необходимостью привлечения в качестве материала идеологически разнонаправленных критических суждений, исследования качественного изменения оппозиции либеральной и патриотической критики на рубеже веков. Исключение из сферы анализа критики, публикуемой в журналах «Вопросы литературы», «Новое литературное обозрение», «Критическая масса» и т.п. объясняется литературоведческой направленностью этих журналов, в то время как целью в диссертации является осмысление феномена литературной критики «толстого» журнала конца XX века: его идеологической основы, гносеологических установок, определяющих стратегий функционирования, специфики освоения литературного пространства.

В связи с проблемой генезиса теоретико-литературного дискурса в качестве материала привлекается метакритика XIX – начала XX вв. (статьи П. В. Анненкова, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, А. В. Дружинина, Н. Г. Чернышевского, И. Ф. Анненского, В. Я. Брюсова, А. Белого, А. А. Блока, Д. С.

Мережковского и др.), теоретико-критические работы второй половины XX века (Ю. Б. Борева, В. С. Брюховецкого, Б. И. Бурсова, Б. Ф. Егорова, В. В. Кожинова, В. Н. Коновалова, Б. Г. Лукьянова, В. П. Муромского, Ю. И. Суровцева, Т. С. Щукиной и др.), а также критические тексты А. Агеева, П. Басинского, В. Бондаренко, Д. Быкова, Ф. Быкова, Т. Глушковой, И. Дедкова, Н. Елисеева, Е. Иваницкой, Н. Ивановой, С. Костырко, В. Курбатова, В. Курицына, Л. Лазарева, М. Липовецкого, М. Лобанова, К. Мяло, А. Немзера, В. Новикова, Н. Переяслова, С. Рассадина, И. Роднянской, О. Славниковой, К. Степаняна, П. Ткаченко, Н. Федя, С. Чупринина, М. Эпштейна и др., позволяющие выявить динамику интерпретационных стратегий в критике рубежа XX – XXI вв.

Объект исследования – литературно-критическая практика 1990-х – начала 2000-х годов.

Предмет исследования – современная литературно-критическая деятельность, ее методы и структура, типология, интерпретационные стратегии, дискурсы и проблемно-тематическое поле.

Выбранный материал, предмет и аспект исследования определили его цель и задачи.

Цель работы – выявление типологии современной литературной критики как в плане структуры ее деятельности, так и в аспекте интерпретационных стратегий и дискурсов со всеми входящими в них компонентами.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

– анализ существующих в теории критики теоретико-методологических парадигм, выяснение их генезиса и принципов исторического функционирования;

– обоснование необходимости герменевтико-онтологического основания для интерпретации критики переходных эпох;

– построение и описание структуры литературно-критической деятельности на основе положений онтологической герменевтики и теории коммуникации;

– создание модели метода литературно-критической деятельности;

– характеристика новых классификационных оснований типологии литературной критики;

– описание социокультурной и эпистемологической ситуаций функционирования литературной критики на рубеже XX – XXI вв., форм ее бытования;

– изучение процессов самоидентификации в метакритике «толстых» журналов конца XX – начала XXI вв.;

– выявление, описание и исследование интерпретационных стратегий в критике «толстых» журналов;

– анализ персональных критических стратегий ведущих критиков в их связи общими тенденциями развития современной критики.

Конкретные научные результаты исследования:

– проанализированы методологические и теоретические парадигмы теории критики второй половины XX века, выяснен их генезис и принципы исторического функционирования;

– обоснована необходимость герменевтико-онтологического основания для интерпретации критики переходных эпох, что расширяет представления о возможностях теоретического и практического применения неклассической (герменевтико-онтологической) методологической парадигмы;

– построена и описана многокомпонентная структура литературно-критической деятельности на основе положений онтологической герменевтики и теории коммуникации;

– создана модель метода литературно-критической деятельности, охватывающая не только процесс освоения критиком литературного явления, но и читателя как важнейшего структурообразующего компонента деятельности критика;

– охарактеризованы новые классификационные основания типологии литературной критики (тип интерпретационной стратегии), что позволяет исследовать динамку развития современной критики, учитывая гносеологические основания литературно-критической деятельности;

– описана социокультурная и эпистемологическая ситуация функционирования литературной критики на рубеже XX – XXI вв., многообразие форм ее бытования;

– изучены процессы самоидентификации в метакритике «толстых» журналов конца XX – начала XXI вв.;

– выявлены, описаны и исследованы интерпретационные стратегии в критике «толстых» журналов, обнаруживающие не ценностно-идеологические, а гносеологические основания оппозиции «толстых» журналов на рубеже XX – XXI вв.;

– выявлены особенности персональных интерпретационных стратегий ведущих критиков исследуемого периода.

Методологической основой диссертации служит комплексный подход, опирающийся на философско-методологические концепции онтологической герменевтики**.** Процесс интерпретации, вслед за Х.-Г. Гадамером, М. Хайдеггером, П. Рикером, понимается нами как способ бытия, непрерывный процесс понимания и самопонимания; критик – как «вопрошающий» субъект; литературная критика порождена всеобщей потребностью в понимании как способе существования. Определяющими для анализа литературной критики являются следующие вопросы: как смена статуса, потеря читателя отражается на процессе самоидентификации критики в 1990-е годы; какие стратегии самоутверждения используются ею, насколько они успешны; какие фрагменты

литературной практики вычленяются критикой, как этот выбор объяснить онтологически; какой «вопрос» задает критик как «вопрошающий», обращаясь к литературному бытию и бытию, отраженному в литературе; как характеризует этот «вопрос» саму критику; какой «ответ» вычитывает критика в литературной практике и какой «ответ» предлагает сама, можно ли говорить о конфликте интерпретаций. В ходе исследования был использован «археологический» метод М. Фуко, позволивший выявить гносеологические инвариантные установки, обусловившие появление множества литературно-критических суждений в тот или иной период.

Другая составляющая методологии – философско-эстетические, структурно-типологические и семиотические исследования М. М. Бахтина, В. Н. Топорова, В. И. Тюпы, и др. Особое значение для исследования имеют положения современной теории коммуникации. Опираясь на работы Т. А. ван Дейка, Ю. Хабермаса, Е. Н. Зарецкой, Х.-Р. Яусса, В. Изера, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого, мы рассматриваем литературно-критическую деятельность как вид коммуникативного акта, который в снятом виде присутствует уже на этапе первичной интерпретации и оценки литературного явления; его двунаправленность обусловлена промежуточным положением критика в триаде художественное произведение/объект интерпретации – критик – читатель; критическая деятельность представлена как прагматический коммуникативный феномен, проявляющийся в некотором классе ситуаций коммуникативного взаимодействия. Методология «рецептивной эстетики» позволяет утверждать, что структурную организацию текста обеспечивает инстанция «имплицитного читателя», на которого возлагается ответственность за осуществление идеальной коммуникативной ситуации. В связи с этим значимыми для работы явились идеи, изложенные в работах В. Ф. Асмуса, А. И. Белецкого, А. Г. Горнфельда, Б. О. Кормана, Д. Н. Овсянико-Куликовского, Н. В. Осьмакова, А. А. Потебни. Теоретически важными также явились работы исследователей проблем поэтики литературного произведения с точки зрения его восприятия – Б. И. Бурсова, В. С. Брюховецкого, М. Г. Зельдовича, Г. Д. Клочека и др.

Теоретическая и практическая ценность исследования определяется его вкладом в развитие представлений о феномене литературно-критической интерпретации и способах ее научного описания. В результате исследования на пересечении историко-литературного и теоретико-методологического дискурсов была осмыслена структура и сущность критической деятельности, создана обновленная модель критического метода, выявлены и описаны механизмы текстопорождения и гносеологические установки, которые обусловили появление критических дискурсов отдельных журналов.

Полученные результаты могут быть использованы при построении концепции литературного процесса XX века, в том числе литературной критики как его органической части; в исследованиях феномена «толстого» журнала и журнальных взаимодействий в новейшее время. Предложенная модель

литературно-критической деятельности, ее метода и основания типологии могут быть применены в изучении других форм бытования литературной критики различных социокультурных периодов. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов по теории литературы, истории русской литературы, истории русской литературной критики, спецкурсов, посвященных переходным периодам в развитии критической мысли, критической деятельности ведущих литературных критиков рубежа XX – XXI вв., функционированию «толстых» журналов в новейшее время.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В литературно-критическом мышлении, воплотившемся в критической практике литературно-художественных журналов рубежа XX – XXI вв., обнаруживаются основания не классической, а онтологической герменевтики. Это объясняет проявление в критических текстах помимо интерпретации литературной действительности опыта самопонимания, фактов «вычитывания» в художественных произведениях экзистенциально/ментально значимых смыслов; уход от традиции обнаружения авторитетного источника смысла в авторской интенции или структуре текста к гносеологической ситуации столкновения «вопроса» и «ответов».

2. Литературно-критическая деятельность – это деятельность, направленная на интерпретацию и оценку литературной действительности в ее актуальных в данное время проявлениях, где интерпретация – процесс неразрывного понимания и самопонимания, который осуществляется путем «набрасывания вопроса» (эстетически, экзистенциально, социально и т.п. актуального) на текст, а сама деятельность обладает сложной структурой, развернутой к читателю.

3. Метод литературно-критической деятельности – обусловленная целеполаганием критика и гносеологическими принципами того или иного «толстого» журнала стратегия (само)интерпретации и текстопорождения, определяющая отбор и анализ материала, «вопрос», коммуникативно-прагматическую установку на реципиента. Литературно-критическое высказывание является вариантом ментатива, то есть помимо информационной функции в качестве следствия коммуникативного события предполагает некоторое «ментальное событие» в сознании адресата.

4. Интерпретационная и коммуникативная стратегии метакритики либеральных «толстых» журналов эволюционируют от «разоблачительной» стратегии и негативной самоидентификации (идентификации «от противного»), проявляющейся в отказе от прежней модели критической деятельности, к конструированию новых принципов интерпретации текстов, анализу обстоятельств и специфики функционирования критики.

5. Динамика интерпретационных стратегий в критике «Нового мира», «Знамени», «Октября» проявляется в движении от «реставраторской» стратегии в познании литературной действительности и самопознании (направленной на

разрушение, отсечение в сознании читателя тех ментальных проявлений, которые генетически восходят к советской ментальности, на восстановление нормы) к «коррекционной» (ориентированной на осмысление порожденных современностью отклонений от нормы в сознании современника, актуализацию этой нормы), а затем «аналитической» (предполагающей безоценочное осмысление новой ментальности, ее эволюции).

6. Сетка значений, которую «набрасывает» современная критика на литературную и социальную действительность, определяется вопросом «каковы способы выживания/существования/присутствия литературы в ситуации кризиса/перелома/конца». Литературно-критическая рецепция «ответа» (его экспликация, осмысление и соотнесение с собственным видением) принимает вид самоинтерпретации, осложненной обращением к онтологическим, экзистенциальным вопросам.

7. Стратегия увеличения символического капитала, расширения «своего» литературного поля в литературной критике «Нашего современника» и «Молодой гвардии» включает тактики освоения нового литературного явления в «своих» ценностных координатах, отвержения «чужого», актуализации границы «свое» – «чужое», захвата литературного явления, присвоенного оппонентами, путем его перекодирования.

8. Динамика интерпретационной стратегии критики «Нашего современника» и «Молодой гвардии» свидетельствует об эволюции консервативной литературной критики в период с 1992 по 2002 гг.: от охранения идеологических и гносеологических принципов/границ к аналитике, сужению ракурса видения и интерпретации литературной действительности – от обзора современной поэзии/прозы, угадывания некоторых тенденций ее развития, обязательно соотносимых с социальными проблемами, к анализу отдельных произведений или группы текстов одного автора.

9. Гносеологическое основание «толстожурнальной» литературно-критической оппозиции заключается в том, что критика журналов «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» демонстрирует личностный тип идентификации, установку на поиск, обращается к творческой и жизненной судьбе писателей как к возможному ответу на экзистенциальные, онтологические вопросы, сокращает дистанцию между собой и опытом Другого. Критика «Нашего современника» и «Молодой гвардии» ориентирована на идентификацию социальную, на поиск соответствия, «патриотический» критик в большей степени дистанцирован от своего объекта, говорит от лица группы, интерпретируемая литературная, социальная действительность для него – это прежде всего поле битвы литературных тенденций как воплощений тех или иных ценностей, идеологий.

10. Персональные критические стратегии ведущих критиков рубежа XX – XXI вв. демонстрируют разные направления преодоления кризиса/поиска новой идентичности: выбор позиции критика-семиотика, декодирующего

реальность как текст (Н. Иванова); попытка «снять» дихотомию значимых идеологических оппозиций, соединить охранительную стратегию в понимании литературного явления (типичную для консервативной критики) и стратегию «захвата» позиций, закрепленных в «чужом» (либеральном) литературном поле (В. Бондаренко); конструирование модели критики на пересечении дискурсов критики и науки (М. Липовецкий); постструктуралистская установка на разрушение момента тоталитарности литературно-критического дискурса (В. Курицын); позиция самоутверждения в процессе критического письма, наделяемого онтологической ценностью и порождающего не суждения о тексте, а его образ (Д. Быков).

Апробация работы. Основные положения работы были изложены на международных, всероссийских, региональных, межвузовских и кафедральных конференциях в период с 2004-го по 2010 годы, в том числе «Дальний Восток: наука, образование. XXI век» (Комсомольск-на-Амуре, 2004, 2005, 2006), «Смысловое пространство текста» (Петропавловск-Камчатский, 2004, 2007, 2008), «Культура Тихоокеанского побережья» (Владивосток, 2005), «Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций» (Комсомольск-на-Амуре, 2008), «Проблемы славянской культуры и цивилизации» (Уссурийск, 2008, 2009), «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2008), «Проблемы современного коммуникативного образования в вузе и школе» (Новокузнецк, 2009), «Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы» (Самара, 2009), «Литература о литературе: Проблема литературной саморефлексии» (Томск, 2009), а также в статьях, вошедших в сборники научных трудов «Литература и культура Дальнего Востока и восточного зарубежья» (Уссурийск, 2008), «Лингвистика: вопросы теории и методики» (Комсомольск-на-Амуре, 2009), «Науки о человеке, обществе и культуре» (Комсомольск-на-Амуре, 2009), «Актуальные проблемы социогуманитарного знания» (Москва, 2009), «Литературная критика: онтология и гносеология» (Бийск, 2010), научные журналы «Критика и семиотика» (Новосибирск, 2009), «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2010). Различные аспекты проблематики исследования были апробированы при чтении курсов по истории русской литературы, теории литературы, спецкурсов по истории русской литературной критики на филологическом факультете Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета.

По теме работы опубликованы монография «Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию» (2009) и 38 статей, в том числе 8 в журналах, рекомендованных ВАК России.

Структура исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, выбор методологии, описывается круг теоретических и методологических проблем, в рамках которых осуществляется изучение современной литературной критики, обосновывается выбор привлекаемого материала, формулируются цель, задачи исследования, теоретическое и практическое значение его результатов, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В главе 1. **«Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации»** исследуется теоретико-критический дискурс, его генезис и становление.

К концу 1980-х годов сложившаяся парадигма осмысления литературной критики вступает в противоречие как с новыми реалиями литературной ситуации, так и с текущей литературно-критической практикой и характером ее саморефлексии. Отсутствие теории критики, способной адекватно осмыслить специфичную критическую практику, обозначена в диссертационном исследовании как отдельная актуальная эпистемологическая проблема.

В разделе 1.1. **«Метакритический дискурс XIX – начала XX веков»** исследуются причины эпистемологического кризиса, в котором оказалась теория критики. Продуктивные, но не востребованные пути осмысления критики обнаруживаются в истории метакритики XIX – XX веков, которая представляет собой смену когнитивных рамок и «слепых зон» (Де Ман П.). В дискурсивных практиках XIX – начала XX веков обнаруживаются гносеологические установки, которые стали актуальными в теории критики 1970 – 1980-х годов, предопределили констатируемый «конфликт интерпретаций» и возможный путь его преодоления.

Два рубежных периода близки эпистемологически. Модель критической деятельности, реконструируемая в символистском критическом дискурсе, отражает уникальный опыт выстраивания стратегии интерпретации и текстопорождения, появившийся в результате переосмысления старой, позитивистски ориентированной модели. Прерванная в советский период, эта традиция (в ряде ее проявлений) становится востребованной метакритикой 1990 – 2000-х годов, когда антипозитивистские гносеологические установки накладываются на обновленную герменевтическую парадигму.

В разделе 1.2. **«Теория и методология критики 1970-х – 1990-х годов»** на материале работ, посвященных осмыслению категории метода критической деятельности, исследуется научный теоретико-критический дискурс периода 1970 – 1990-х годов. Процесс теоретического освоения категории «метод литературной критики» осложнен одновременным существованием трех концепций самой критики: критика как часть науки (А. С. Бушмин, А. Я. Иезуитов, Б. С. Рюриков, Л. И. Тимофеев, Б. М. Эйхенбаум, и др.), критика как разновидность публицистики (В. М. Горохов, В. И. Здоровега, Е. П. Прохоров,

М. С. Черепахов), критика как литература (Б. И. Бурсов, В. Я. Лакшин, М. Я. Поляков, М. А. Сапаров).

Эволюция научных представлений о методе критической деятельности включает три периода, для которых характерна своя система гносеологических установок. Первый (вторая половина 1970 – начало 1980-х годов) характеризуется преимущественным отождествлением в методологическом плане литературной критики и научного познания. Такая позиция объединяет работы Ю. Б. Борева, Л. А. Зеленова, В. Н. Коновалова, Б. Г. Лукьянова, Т. С. Щукиной. Следующая дискурсивная формация оформляется со второй половины 1980-х по 1990-е годы. Принципиально новым ее качеством является попытка уйти от представления о критической деятельности как преимущественно познавательной (В. С. Брюховецкий, Г. А. Золотухин, В. Е. Хализев, Л. В. Чернец). Гносеологически принципиальным становится смещение исследовательского взгляда в теории критики 1980 – 1990-х годов в область реципиента. Только в этот период начинается теоретическое осмысление критической деятельности как коммуникативного акта, а ее структура предстает в целостном, не редуцированном виде.

Вычленение инвариантных гносеологических установок показывает, что теория критики второй половины 1980-х – 1990-х годов пытается преодолеть инерцию в осмыслении критики и ее метода, берущую свои истоки еще в метакритике XIX века. Обновленный теоретико-критический дискурс только формируется, однако его развитие в 1990-е годы было приостановлено в силу ряда причин социокультурного характера.

Позитивистски ориентированной теории критики сопротивляется сама современная критика. Традиция классической методологической герменевтики входит в противоречие с опытом интерпретационной деятельности и самопредставлением современного критика. В связи с этим актуальной становится проблема поиска нового методологического основания, релевантного особенностям литературно-критического мышления переходной эпохи рубежа XX – XXI веков.

В главе 2. **«Герменевтико-онтологическая интерпретация литературно-критической деятельности»** дается обоснование возможности использования герменевтико-онтологической методологии для осмысления феномена современной литературной критики и ее соответствия современной критической практике. В разделе 2.1. **«Герменевтико-онтологические основания исследования критики»** литературно-критическая интерпретация осмысливается в рамках выбранной методологической парадигмы как сложный процесс (само)интерпретации, в котором совмещаются два акта понимания – первичное (мгновенное прозрение истины бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, словесное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание). На первом этапе критик выступает как некий субъект, как Dasein, для которого художественное

произведение/литературное явление – часть «сущего» – то материальное, что до интерпретации не отмечено бытийственностью, но открыто для интерпретаций/осознания. Критику порождает всеобщая потребность в понимании, или, опираясь на М. Хайдеггера, само-бытие, понимание как сам способ существования. Акцентирование момента «вопрошания» в критической деятельности предполагает рассмотрение критики как ценной и уникальной деятельности, специфика которой не определяется какими-либо иными сферами (наукой, публицистикой, литературой).

Процесс понимания непредставим без «чужого» сознания, без Другого. Это делает необходимым подключение к герменевтико-онтологической парадигме положений теории коммуникации, той ее части, которая изучает прагматический аспект коммуникации. Исследование литературно-критической практики на стыке герменевтико-онтологического и коммуникативного подходов позволяет увидеть феномен интерпретации одновременно на стыке двух актов – (само)понимания как процесса онтологизации и передачи (продления) направленного онтологизирующего импульса реципиенту.

В границах терминологического и понятийного поля герменевтической онтологии в исследовании выявляется и описывается структура литературно-критической деятельности, предлагается иное содержательное наполнение категории метода литературной критики, вводятся новые классификационные критерии для типологии литературной критики.

Акцентирование момента «вопрошания», интерпретации как феномена (само)понимания позволяет по-новому осмыслить суть критической деятельности. В разделе 2.2. **«Структура литературно-критической деятельности»** структура критического акта представлена как сложноструктурированное целое, компоненты которого динамичны, обусловлены доминирующей целеустановкой, изначальной ориентированностью текста на Другого. Над уровнем истолкования текста и его оценки надстраивается уровень гносеологической и коммуникативной установок, которые обусловливают программу интерпретации. Первая во многом определяется социокультурной ситуацией, в которой функционирует критик как «вопрошающий». Вторая является важным структурообразующим фактором – именно вокруг реципиента формируется коммуникативная модель литературно-критической деятельности.

Литературно-критическая деятельность рассматривается в исследовании как вид коммуникативного акта, который в снятом виде присутствует уже на этапе первичной интерпретации и оценки литературного явления; его двунаправленность обусловлена промежуточным положением критика в триаде литературное явление – критик – читатель. Литературно-критическая деятельность – это сложноструктурированная деятельность, направленная на интерпретацию и оценку литературной действительности в ее актуальных в данное время проявлениях, где интерпретация – процесс неразрывного

понимания и самопонимания, который осуществляется путем «набрасывания вопроса» (эстетически, экзистенциально, социально и т.п. актуального) на текст, а сама деятельность обладает сложной структурой, развернутой в то же время к читателю.

В качестве активного компонента структуры критической деятельности критик начинает функционировать в момент целеполагания. Структура цели включает: познание литературного явления как части бытия; интерпретацию художественного произведения/литературного явления в аспекте, заданном мотивом, и самоинтерпретацию; оценку художественного произведения/литературного явления в соответствии с представлениями об эстетическом идеале, своим представлением об «ответе», эстетическим вкусом, либо, как вариант, в соответствии с заданной («заказанной») оценкой; порождение критического текста; осуществление ментальных, поведенческих изменений в реципиенте. Отдельные целеполагания могут редуцироваться, осознаваться как первостепенные или второстепенные в зависимости от мотива. Наличие последней цели дает основание определить литературно-критическое высказывание как вариант ментатива (ментатив – класс дискурсивных практик, которые «предполагают – в качестве следствия коммуникативного события – некоторое ментальное событие (изменение картины мира) в сознании адресата»[7]). В работе исследуются референтные, креативные и рецептивные коммуникативные условия функционирования критического ментативного высказывания.

Критерием типологии интенций в их связи с целеполаганием становится степень осознанности, приоритетности той или иной цели, с одной стороны, и интенсивности привлечения интерпретируемого и оцениваемого материала, с другой. В работе выделяются и описываются следующие критические интенции: аналитико-ориентирующая, условно вербализуемая в действиях «изучить, проанализировать, проследить и т.п.»; полемически-прагматическая интенция («оспорить, дать оценку, доказать свою точку зрения, убедить, внушить и т.п.»); интенция самопрезентации.

Предлагаемые в разделе 2.3. «**Метод литературной критики: сущность и типология»** модель метода и классификационные критерии преодолевают традиционное позитивистское понимание, которое охватывает только познавательную деятельность критика, отождествляет критический метод с научным литературоведческим и оказывается не востребованным в критической практике рубежа XX – XXI вв. Метод определяется в исследовании как обусловленная целеполаганием и гносеологическими принципами того или иного «толстого» журнала стратегия (само)интерпретации и текстопорождения, определяющая отбор и анализ

---

[7] Тюпа В. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 40.

материала, «вопрос», коммуникативно-прагматическую установку на реципиента.

В работе предложено несколько классификаций литературно-критического метода, основание которых позволяет, с одной стороны, «не потерять» выделенные сегменты структуры критической деятельности, а с другой, – прояснить типы стратегий критической деятельности. Критерием первой классификации является доминирование в целеполагании аналитического или прагматического компонента. В соответствии с ним типология метода литературной критики имеет следующий вид: аналитико-ориентированный, прагматико-ориентированный, аналитико-прагматический. Анализ литературно-критических работ, опубликованных в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник» за 1990-е годы в аспекте выявления аналитической и прагматической компонент, позволил выстроить следующие критерии определения метода литературной критики исходя из структуры целеполагания и с учетом всех компонентов структуры критической деятельности: авторская формулировка цели/задачи, разнообразие риторических приемов, оценка литературного явления, коммуникативный статус реципиента, степень эмоциональности/экспрессивности, использование специальных литературоведческих методов. Аналитически ориентированный метод используется в статьях М. Эпштейна «После будущего: о новом сознании в литературе» (Знамя. 1991. № 1), М. Липовецкого «Конец века лирики» (Знамя. 1996. № 10), Н. Лейдермана, М. Липовецкого «Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме» (Новый мир. 1993. № 7), И. Роднянской «Преодоление опыта, или двадцать лет странствий» (Новый мир. 1994. № 8), М. Красновой «Между «вчера» и «завтра» (Октябрь. 1994. № 7) и др. Прагматическая составляющая определяет специфику метода в работах И. Дедкова «Между прошлым и будущим» (Знамя. 1991. № 1), Л. Лазарева «Былое и небылицы. Полемические заметки» (Знамя. 1994. № 10), В. Камянова «Игра на понижение» (Новый мир. 1993. № 5), Н. Елисеева «Пятьдесят четыре. Букериада глазами постороннего» (Новый мир. 1999. № 1), К. Анкудинова «Другие» (Октябрь. 2002. № 11), Ф. Быкова «Глотать, не подумав, опасно» (Наш современник. 1998. № 11 – 12) и др. Ряд критических текстов не дает оснований для выделения доминанты, в них аналитическая и прагматическая составляющая метода равно значимы (работы М. Липовецкого «Совок-блюз» (Знамя. 1991. № 9), «Апофеоз частиц, или диалоги с хаосом» (Знамя. 1992. № 8), А. Немзера «Страсть к разрывам» (Новый мир. 1992. № 4), Кокшеневой К. «Все та же любовь. Проза молодых: мифы и реальность» (Наш современник. 2001. № 10), А. Наймана «Паладин поэзии» (Октябрь. 1998. № 8) и др.).

Вторым основанием классификации является направление интерпретации. Литературно-критические тексты «толстых» журналов дают возможность выделить три направления: интерпретация Я-центричная, тексто(авторо)центричная и интерпретация, направленная на читателя. Каждое

из них подразумевает свой вопрос. Для Я-центричной критики – «Кто есть *Я*?», для тексто(авторо)центричной – «Что есть то или иное явление в *моих* координатах (ценностных, гносеологических)?», для убеждающей – «Как убедить читателя в *моих* взглядах?». Присутствие Я в каждом из вопросов характеризует литературную критику рубежа веков как гносеологически эгоцентричную.

Предложенные во второй главе представление о герменевтико-онтологической сущности литературно-критической интерпретации, модель критической деятельности и ее метода послужили теоретическим допущением для анализа «толстожурнальной» критической практики, которой посвящены главы 3 – 5.

В главе 3. **«Литературная критика «толстых» журналов рубежа XX – XXI вв.: обстоятельства функционирования»** описаны такие обстоятельства функционирования литературной критики, которые входят в область коммуникативного контекста и определяют пред-структуру критической деятельности. В разделе 3.1. **«Социокультурная и эпистемологическая ситуация конца XX века»** такими обстоятельствами являются события кризиса – экономического, ценностного, литературного. Взлет и утрата литературоцентризма стал одним из важнейших проявлений перелома, непосредственно повлиявшим на литературную критику. Критика теряет читателя и былой статус авторитетной инстанции. Как следствие – активизация метакритики, осмысление проблемы выживания в социокультурных условиях конца XX века как экзистенциальной, связанной с поиском идентичности; поиски успешной коммуникативной стратегии; переструктурирование модели критической деятельности. Кризис литературоцентризма отразился на функционировании «толстых» журналов, традиционном месте «прописки» профессиональной критики. По мнению М. Ю. Берга, публикуемые в 1990-е годы в «толстых» журналах тексты перестают обладать культурным капиталом, притягательным для обмена «писатель – читатель» и преобразования культурного капитала в символический и социальный[8].

Еще один социокультурный фактор, отразившийся на литературной критике, а именно, на степени ее потенциальной полемичности – постепенная деполитизация литературной жизни. В начале 1990-х годов «журнальная война» практически прекращается. Вслед за идеологической критика утрачивает полемичность как таковую. Во второй половине 1990-х годов в ней практически не фиксируются острые полемики, дискуссии. Политический характер критических споров сменяется на собственно литературный, а сами дискуссии приобретают формат «круглого стола». Эти изменения свидетельствуют об уходе на периферию смыслового поля понятия «критики» значения «спорить».

---

[8] Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М., 2000. С. 265.

Помимо социально-политических обстоятельств, обусловливающих данный факт, необходимо учитывать фактор гносеологической переориентации критики. Постмодерн приносит усомнение в авторитетности и окончательности суждения как такового, нейтрализует претензию критического суждения на общезначимость, утверждает идею множественности взглядов как норму, а следовательно, обессмысливает ситуацию спора. Этот процесс проходит на фоне смены поколений: старшее поколение критиков, самоопределение которых в основном разворачивалось в поле идеологических интенций, уходит из литературной жизни. Молодые критики работают в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, они в меньшей степени стремятся выступать «от группы», для них более характерен эгоцентричный тип проявления самости.

Социокультурная ситуация 1990-х – начала 2000-х годов определяет интерпретационные стратегии, момент самоидентификации, событие коммуникации, иными словами, стратегию-ответ литературной критики на «вызов» времени. В результате, в структуру пред-понимания критика в 1990-е годы входит ментальная необходимость в утверждении своего «присутствия». Понятия «присутствие», «вопрошание», «забота» с актуальными для М. Хайдеггера смыслами наиболее точно отражают состояние литературной критики, осознающей свое выпадение из системы производства/потребления литературы.

В 1990-е годы размежевание в критике начинает проходить по формату. Момент взаимовлияния газетной, толстожурнальной, телевизионной, сетевой критики также характеризует обстоятельства функционирования критики, определяет, в частности, варианты самоидентификации. Этому аспекту посвящен раздел 3.2. **«Формы бытования литературной критики на рубеже XX – XXI вв.»**, в котором описываются различные формы бытования критики в сопоставлении с «толстожурнальной». Отдельный фрагмент данного раздела посвящен рефлексии литературной критики «толстых» журналов на появление новых форм бытования критики в ее связи с процессом самоидентификации. От резкого дистанцирования от газетного/сетевого формата критика «Нового мира», «Знамени», «Октября» приходит к необходимости его осмысления и допущения продуктивного заимствования успешных стратегий.

Динамике внутренних механизмов порождения литературно-критической практики либеральных «толстых» журналов 1990-х – начала 2000-х годов посвящена глава 4. **«Литературная критика «либеральных» журналов: объектное поле, интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры».** Ее структура отражает главные составляющие объектного поля критики: сама критика и разные аспекты ее функционирования, общественное сознание в ситуации ценностного слома, литературная практика.

Раздел 4.1. **«Метакритика конца XX – начала XXI веков: поиск идентичности и стратегии самоинтерпретации»** посвящен метакритике

либеральных журналов, которая в обстоятельствах отсутствия релевантного теоретико-критического дискурса берет на себя функцию самоосмысления и фиксирует структурные изменения критической деятельности на рубеже веков.

Анализ содержательного плана метакритических текстов, опубликованных в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» в 1990-е годы, позволил выделить следующую динамику: критическая мысль движется от явной «разоблачительной» тенденции, от негативной самоидентификации, отказа от прежней модели критики и критической деятельности к конструктивной – попыткам корректировки системы критических оценок, конструирования новых принципов интерпретации текстов, анализа обстоятельств и специфики функционирования критики, а также причин ее кризиса.

Негативная идентификация проявляется в «разоблачительной» интерпретационной стратегии, имеющей целью обозначить границы своей идентичности «от противного». В период с 1992 по 1994 год в либеральных журналах публикуются статьи, в которых объектом «разоблачения» становятся императивная и охранительная критика, эгоцентричная и нарциссичная молодая критика, ориентированная на литературный быт, старый литературно-критический инструментарий, непродуктивный для интерпретации современной литературной действительности. «От противного» либеральная критика конструирует свое ценностное поле, в центр которого помещает категорию свободы, понимаемой не только как свобода слова и мнения, но и как ненасилие по отношению к интерпретируемому тексту и читателю, свобода от мнения группы (утверждается недопустимость долженствования, идеологического ориентирования, утверждения единственно верной интерпретации, ограничения интерпретаторской свободы читателя). Критика отсекает атрибутивные признаки модели советской критики, актуализирует вневременные, традиционно ценные и утверждает обновленные.

Во второй половине 1990-х метакритика обнаруживает конструктивную стратегию самоинтерпретации. Она проявляется в попытках корректировки системы критических оценок, конструировании новых принципов интерпретации текстов и ценностной парадигмы, анализе обстоятельств, специфики функционирования критики, причин кризиса. Актуальной теперь становится не столько «постановка диагнозов», сколько аналитическое исследование сложившихся на данный момент стратегий литературной критики и степени адекватности критического суждения[9].

Критика конструирует обновленную модель своей деятельности, по-новому осмысливая каждый ее сегмент, отвергает образ всезнающего, авторитетного критика-судьи и формирует другой – образ аналитика, читателя,

---

[9] В статьях А. Немзера «История пишется завтра» (Знамя. 1996. № 12), Н. Ивановой «Между. О месте критики в прессе и литературе» (Новый мир. 1996. № 1), С. Костырко «О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии» (Новый мир. 1996. № 7), И. Роднянской «Герменевтика, экспертиза, дегустация…» (Новый мир. 1996. № 7).

комментатора, медиатора и собеседника. Обновление модели критики «захватывает» элементы ее структуры, отвечающие за процесс коммуникации. Отказ от императивности, позиции учителя и идеолога ведет к выстраиванию коммуникации с реципиентом на условиях равноправия. Это, в свою очередь, предполагает пересмотр системы аргументации, в том числе оценочной, и ориентацию на реципиента-со-исследователя, со-интерпретатора. Если в первой половине 1990-х годов актуальным для самоосмысления компонентом модели был «критик», что объясняется важностью в этот период проблемы личной, а не институциональной идентификации/самореализации, вхождением в литературный процесс нового поколения критиков, то во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов актуализируется образ реципиента и связка «критик – читатель».

Осмысливая проблему адекватности критического суждения в обстоятельствах утраты литературоцентризма, метакритика 1990-х годов порождает две полярные интерпретационные стратегии, генетически восходящие к «реальной» и эстетической критике. В соответствии с первой, литературная ситуация оценивается как приближающаяся к норме; критику необходимо осмыслить соответствие своих эстетических принципов литературной ситуации; статус «критика, идущего вслед за литературой» мыслится естественным. Озвучивает эту стратегию С. Костырко, утверждая, что критику необходимо «исходить не из общественно-политического контекста, а из заданного самим произведением круга тем и уровня их осмысления», «литература изначально больше и выше критики», функция критики помогать читателю «максимально приблизиться к тому, что содержит литература, и только»[10]. Противоположную позицию занимает И. Роднянская: критик должен представительствовать от убеждений, ценностей, «иметь идейную, смысловую предпосылку»[11]. Полярные интерпретационные установки порождают две разнонаправленные тенденции в критике конца XX века – приближение к тексту и освобождение от него.

Раздел 4.2. **«Общественное сознание как объект внимания литературной критики: интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры»** посвящен так называемому социологическому блоку критики рубежа веков.

Статистический анализ всего комплекса статей данной группы позволил сделать вывод о том, что общественное сознание как объект «интересует» в большей степени критику журнала «Знамя». Большая часть работ, объединенных названным объектом, публикуется в «Новом мире» и «Знамени» с 1991 по 1993 год, затем на протяжении всего десятилетия журналы

---

[10] Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http://magazines.russ/novyi_mi/1996/7/ litkri1.html (дата обращения: 16.02.2009).

[11] Роднянская И. Герменевтика, экспертиза, дегустация…: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL:http//magazines.russ/novyi_mi/1996/7/litkri2.html (дата обращения: 16.02.2009).

публикуют по одной-две статьи социологического характера, притом не каждый год. Малое количество работ, ориентированных на осмысление общественных проблем, в «Октябре» объясняется общей ориентированностью журнала на рецепцию литературной ситуации, отдельных литературных явлений.

С целью поиска типологических моментов, связывающих критические тексты разных авторов на протяжении десятилетия, и репрезентативных оснований типологии в работе совмещаются два ракурса: хронологический (что позволит обнаруживать динамику найденных закономерностей) и «стратегический» (выявляющий динамику интерпретационных стратегий либеральной критики). Под интерпретационной стратегией понимается не только программа интерпретации конкретного текста/литературного факта, но и изначальная позиция критика-«вопрошающего», «вопрос» которого, направленный на текст/литературный факт как проявление бытия, также является своего рода программой.

Доминирующие интерпретационные стратегии в критике 1990-х – начала 2000-х годов – «реставрационная», «коррекционная», аналитическая. «Реставрационная» направлена на разрушение в сознании читателя тех представлений, которые генетически восходят к советской ментальности, и на восстановление нормы. Эта стратегия доминирует только в начале 1990-х годов и становится неактуальной уже в 1993-м году. Объектом для «реставрации» становятся идеологическое мышление, привычка к вычитыванию идеологического в текстах (в статье А. Немзер «Сила и бессилие соблазна», 1991), травмированное органическое сознание «патриотов» (А. Агеев «Варварская лира», 1991), восприятие быта как пошлости (Н. Иванова «Неопалимый голубок», 1991), трансформированное понимание эсхатологичности (А. Якимович «Эсхатология смутного времени», 1991), мифологическое сознание современного человека (М. Липовецкий «Совок-блюз», 1991, А. Немзер «Страсть к разрывам», 1992). В названных статьях утверждается альтернативная (истинная) ценностная координата.

«Корректирующая» стратегия направлена на осмысление порожденных современностью отклонений от нормы в сознании современника, актуализацию этой нормы. Критики обнаруживают следующие «болезни» общественного сознания, порожденные современной социокультурной ситуацией: схематизм в осмыслении прошлого и настоящего (И. Дедков «Между прошлым и будущим», 1991), страсть к отрицаниям как примета постидеологического сознания (В. Потапов «Схватка с Левиафаном», 1991), понижение ценности классики (В. Камянов «Игра на понижение», 1993), архивизм (А. Пурин «Архивисты и новаторы», 1994), иждивенчество, прутковщина, несвобода (С. Рассадин «Освобождение от свободы», 1995), мифологичность сознания (А. Агеев «Бесъ борьбы», 1996).

Аналитическая стратегия направлена на безоценочное осмысление новой ментальности, ее эволюции. Критика определяет актуальные характеристики сознания современного человека: выпадение исторической памяти, внутренняя безопорность (В. Камянов «В тесноте и обиде, или “Новый человек” на земле и под землей», 1991), утрата веры в высшие смыслы, утрата цельности и ценностей, постмодернистское мировосприятие, тоска по реальности (К. Степанян «Реализм как заключительная стадия постмодернизма», 1992; «Назову себя цвайшпацирен?», 1993; «Кризис слова на пороге свободы», 1999), фантомность, мифологичность сознания (А. Архангельский «”Гей, славяне!” Черты исторического самосознания на сломе эпох», 1995), вживание в ситуацию пограничного бытия (А. Немзер «Двойной портрет на фоне заката», 1993), кризис идентичности (Н. Иванова «После», 1996), внутренняя безопорность (И. Роднянская «Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости», 1997), неуверенность в будущем, застигнутость, неопределенность, неизвестность, нереализованность (О. Дарк «Принесенные в жертву», 1998), бегство от современности (А. Немзер «В каком году – рассчитывай…», 1998). Фиксируемые проявления сознания современника рассматриваются вне оппозиции «норма – отклонение». Актуальным становится не нравственно-ментальный план, а ментально-психологический. Неслучайно появление в статьях этой группы характеристик сознания, связанных с традицией литературного и философского экзистенциализма: тошнота, застигнутость, неизвестность, отчаяние, тревога, ужас.

В рамках первой и второй стратегий доминирует прагмаориентированный метод. Типичной формулировкой (реконструируемой нами) прагматической цели является восстановление нормы. В рамках третьей стратегии доминирует аналитическая составляющая.

Хронологически критика движется от «реставрационной» стратегии к аналитической. Смена стратегий является следствием смены «вопроса», определяющего направление (само)интерпретации: для первой и второй стратегии – «что во мне/нас мешает истинной интерпретации/какова истинная интерпретация?», для третьей – «какова моя опора?» (опора в ментальном, нравственном, онтологическом интерпретационном плане), актуальный вопрос в ситуации кризиса самоидентификации самой критики.

Обращение к персоналиям позволяет сделать вывод о том, что ряд критиков работает в рамках одной стратегии, но есть те, кто меняет свою стратегию в направлении третьей, аналитической (обратного движения нет). Так, на первую и близкую ей вторую стратегию ориентирован А. Агеев, на третью К. Степанян. В статьях Н. Ивановой, А. Немзера обнаруживается «стратегическое» переориентирование.

Отдельный фрагмент раздела посвящен отражению феномена ностальгии по советскому в литературно-критическом дискурсе. Вычленяются

и описываются формы проявления ностальгии, делается вывод о том, что обращение к советскому выполняет в критике 1990-х помимо прочего роль гносеологического «костыля». Функционируя «внутри катастрофы по имени «ПОСЛЕ» (К. Анкудинов), критика ориентирована не на результат ностальгии, а на сам процесс припоминания, сравнения, сопоставления. В то же время ностальгический дискурс в его преломлении в дискурсе литературно-критическом демонстрирует гносеологический конфликт в критике, которая, с одной стороны, переживает переход к новой герменевтике, осваивает свой новый статус, обстоятельства функционирования «здесь и сейчас», а с другой, сознательно и неосознанно возвращается в прошлое с целью увидеть не увиденное, найти идентификационные опоры, использовать старые гносеологические схемы в ситуации несформированности новых.

В разделе 4.3. **«Освоение литературной практики рубежа веков в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь»»** осуществляется попытка онтологического объяснения выбора критикой фрагментов литературной практики; семантическая характеристика «вопроса», который задает критик как «вопрошающий», обращаясь к литературному бытию и бытию, отраженному в литературе.

Статистический анализ ракурсного предпочтения критики показал, что в критике «Знамени», «Нового мира» преобладает широкий охват литературной практики (большая часть публикуемых статей представляет вычленение и анализ той или иной тенденции, сопровождающийся обращением к художественным произведениям как к иллюстрации). Критика «Октября» более «внимательна» к отдельному тексту/автору.

«Вопрос» критика «Каковы способы выживания/существования/ присутствия литературы в ситуации кризиса/перелома/конца?» определяет тот аспект анализа и тот содержательный план текста, который будет актуализирован в процессе интерпретации. Критику интересует момент (само)идентификации литературы, которая находится в схожих с литературной критикой обстоятельствах. Для критики опыт литературы – это, прежде всего, возможный вариант ответа на тот экзистенциальный вопрос, который актуален в 1990-е годы как никогда. Ответы, которые дает литература (в соответствии с видением критики «Знамени»), группируются по стратегиям выживания: адаптация успешных стратегий (масслита, литературных течений, переживших кризисный культурный этап (период Серебряного века); уход от реальности, сопряженной с кризисом (мистицизм, гротеск, постмодернистский релятивизм); поиск новых форм самопрезентации, скрытых языковых резервов (в поэзии); осмысление обновившейся действительности, диалог с хаосом, утверждение необходимости возвращения от социоцентризма к человеку и др. Критика «Нового мира» в большей степени ориентирована на поиск истинных ценностных координат, некой духовной опоры в художественной литературе, а также на произведения, сюжетные линии которых представляют собой

варианты выживания героя в экзистенциально критических обстоятельствах. Критика «Знамени» особенно внимательна к поискам самоидентификации не героя, но автора, журнала, лирики в целом, а также к кризисным моментам в литературе. Критика «Октября» ориентирована на постановку социально-психологических «диагнозов», создает портреты поколений, оказавшихся в ситуации потери своего времени, вычленяет коллективное бессознательное, порожденное ситуацией кризиса.

Если в первой половине 1990-х годов критика обращается к экзистенциально нейтральным литературным явлениям (успешным писательским стратегиям, новым литературным явлениям, порожденным новыми литературными обстоятельствами), то во второй половине 1990-х она вычленяет в литературном потоке кризисные проявления. Критику интересуют теперь не способы преодоления кризиса, а формы «присутствия» феноменов литературного бытия.

Статьи рассматриваемого блока, опубликованные в «Знамени» и «Октябре» на протяжении десятилетия, резко меняют тип используемой аналитической тактики. В первой половине 1990-х годов то или иное литературное явление сопоставляется с подобным в истории литературы или с современным явлением, принадлежащим «чужой» эстетической традиции (традиции масскульта, например)[12]. В данном случае литературная традиция, уже усвоенная, выполняет роль своего рода помощника, сам опыт ее осмысления используется как отправной. В конце 1995 года в «Знамени» эта тактика резко обрывается и все последующие статьи представляют собой критическое исследование собственно литературного явления вне объясняющих аналогий. Такая смена тактик – результат переориентации критики во второй половине 1990-х годов на экзистенциальные вопросы, остро переживаемые как «свои» «здесь и сейчас», а также ориентации на обживание, понимание новых обстоятельств функционирования.

Другая тенденция проявляется в критике «Нового мира». Здесь не обнаруживается резкой смены тактик, что объясняется, во-первых, общей ориентированностью журнала на освоение изменившейся и меняющейся литературной среды, во-вторых, ретроспективным типом критического мышления.

Критика, ориентированная на освоение литературной практики, демонстрирует разные типы направлений интерпретации и их динамики. Критика «Знамени» в большей степени «Я»-ориентирована, в ней более выражен экзистенциальный путь осмысления проблемы реальности и ее

---

[12] В статьях Е. Тихомировой «Эрос из подполья. Секс-бестселлеры 90-х и русская литературная традиция» (Знамя. 1992. № 6), Н. Ивановой «Пейзаж после битвы» (Знамя. 1993. № 9), Н. Елисеева «Материализованные тени» (Знамя. 1994. № 4), М. Берга «О литературной борьбе» (Октябрь. 1993. № 2), В. Камянова «По ту сторону идеологии. Оборванное саморазвитие» (Октябрь. 1993. № 4), И. Шайтанова «Текст от руки» (Октябрь. 1992. № 4), Е. Иваницкой «Бремя таланта, или Новый Заратустра» (Октябрь. 1995. № 4).

утраты, акцентирована связь интерпретируемого текста с актуальной социальной, ментальной действительностью, личными переживаниями критика. «Новый мир» в большей степени ориентирован на текст и литературный контекст, проблема реальности осмысливается этой критикой как сложная онтологическая. Но в том и другом случае обращение критики к самой проблеме и текстам, в которых она становится центральной, объясняется ситуацией кризиса и попытками осмыслить слом литературной действительности. Критика же «Октября» занимает промежуточное положение. Подтверждают наш вывод о закрепленности тех или иных интерпретационных установок за журналами наблюдения за их сменой у критиков, публикующих свои статьи в разных журналах (А. Немзер, М. Липовецкий).

Обстоятельства коммуникации критики на протяжении 1990-х годов меняются, усугубляя потерю важного члена коммуникативного акта (реального читателя). Резкая деформация коммуникативной цепи оборачивается осознанием кризисности, растерянностью критики. По инерции в начале 1990-х критика продолжает работать с массовым сознанием: разрушает мифы, восстанавливает представление об эстетической/гуманистической норме и одновременно задействует максимум прагмаориентированных приемов (прагматическая составляющая в методе этого периода доминирует), выстраивая активный диалог с реципиентом. Далее, осваивая новую коммуникативную ситуацию, решая проблему самоидентификации, она переориентируется с массового читателя на малый круг реципиентов (в большинстве своем профессиональных). Об этом свидетельствует постепенное доминирование аналитической составляющей метода, насыщение текстов терминологией, ориентация на реципиента-соисследователя или молчаливого собеседника. К концу 1990-х критика мало осмысливает кризисность собственного положения, качественно меняется гносеологически: уходит от самопознания к познанию современной литературной ситуации. Масштаб критического мышления сужается: если в середине 1990-х имела место общая тенденция рассмотрения того или иного явления в большом контексте литературного процесса, доминирование сравнительно-типологического подхода, то к концу 1990-х (с 1998 года) контекст сужается до литературного направления (в рамках которого интерпретируется несколько текстов), отдельного литературного явления. Не случайно именно в этот период в «Новом мире» появляются рубрики «По ходу текста», «Борьба за стиль», предполагающие более пристальное прочтение отдельных текстов.

Литературной критике консервативных журналов посвящена глава 5. **«Стратегии и тактики присвоения литературного поля критикой «Нашего современника» и «Молодой гвардии»».** Непримиримость в борьбе с ложными ценностями, активное использование лексики со значением борьбы, войны и моделирование ситуаций боя, значимость концептов «героическое», «свой», «чужой», отсутствие гибкости в критериях оценки литературного явления

определили поиск гносеологического инварианта консервативной критики на уровне используемых стратегий и тактик «присвоения»[13] литературного/идеологического поля.

«Наш современник» и «Молодая гвардия» – журналы с четко выявляемой, декларируемой идеологической позицией, которая выполняет функцию сверхидеи всех публикуемых здесь текстов. Она образует ту «сетку значений», которую набрасывает журнал на действительность, а соответственно, литературная критика – на литературную действительность, обусловливает понимание ценного, «нормы», лежит в основе самоидентификации и самоинтерпретации. Метафора «боя» точно определяет характер стратегий и тактик «Нашего современника» и «Молодой гвардии», конкурирующих за присвоение литературного поля с либеральными изданиями. Литературное явление здесь выполняет роль своего рода капитала, а количество присвоенного и разнообразие тактик способствуют повышению статуса издания, расширению читательской аудитории. В ситуации кризиса литературоцентризма и сокращения читательской аудитории борьба за присвоение получает выраженный онтологический смысл, определяет бытие-небытие литературной критики и, шире, журнала. «Патриотическая» критика – это критика «укорененная», в отличие от либеральной, для которой характерно постмодернистское восприятие мира как хаотичного, катастрофичного, потерявшего центр.

Отсутствие метакритики в обоих журналах объясняется неактуальностью для журналов проблемы кризиса самоидентификации. «Наш современник» позиционирует себя как востребованный печатный орган, который не опасается утраты своего читателя и имеет самый высокий тираж. Идеология журналов направляет литературно-критический взгляд его авторов, отсюда неактуальность проблемы возможного ложного интерпретационного пути, конфликта интерпретаций. «Наш современник» и «Молодая гвардия» не публикуют критических статей, которые бы составили между собой идеологическую оппозицию, что могло бы стать основанием для метакритической рецепции.

В литературной критике «Нашего современника» и «Молодой гвардии» обнаруживаются следующие стратегии присвоения: означивание нового литературного явления в «своих» ценностных координатах, отвержение «чужого», актуализация границы «свое» – «чужое», захват и перекодирование литературного феномена, присвоенного оппонентами. Доминирование той или иной стратегии обнаруживает динамику критики: в период с 1992 по 1994 год доминирует стратегия актуализации границы «свое» – «чужое» в пределах

---

[13] Под «присвоением» в диссертационном исследовании понимается процесс (само)интерпретации в заданном идеологическом ракурсе, в результате которого литературное явление/идея/рецепция будет означено как «свое» или «чужое» в литературном поле, или присвоено. Акт присвоения охватывает различные варианты освоения и оценки: отвержение, символическое удаление из поля, захват, освоение как «своего».

осваиваемого литературного поля. Консервативная критика доказывает своими тактиками верность суждения П. Бурдье о том, что «чем автономнее поле, тем жестче негативные санкции, применяемые к гетерономным практикам, <…> тем интенсивнее стимулируется сопротивление или даже открытая борьба против властей»[14]. Актуализация границы имеет прагматический эффект – очищение, корректировка ментальных представлений современника.

В период с 1995 по 1998 год в консервативно ориентированной критике доминирует стратегия освоения новых явлений литературного поля при сохранении задачи охранения границ. Сформированное в предыдущий период идеологическое поле выступает теперь в качестве необходимого основания для верной, с точки зрения критика, интерпретации и оценки литературного факта. Данная стратегия реализуется чаще всего в юбилейных статьях с использованием тактики «включения в героический сюжет». Типологический анализ литературных портретов «Нашего современника» обнаруживает повторяющиеся компоненты общей сюжетной модели: описание жизни как борьбы и смерти как подвига, включение образов «врага» и «слабого товарища» и т.д.

К концу 1990-х – началу 2000-х годов критика «Нашего современника» становится более аналитичной – исследует философию постмодернизма, авангарда и ее разрушительное воздействие на сознание современника. Если ранее взгляд критика фиксировал противоречия, крайние контрастные точки литературной и общественно-политической действительности и не различал полутонов, то теперь фиксирование противоречий дополняется поиском возможных сближений, явлений промежутка. Появляются примеры осознания художественной неоригинальности, повторяемости текстов, продолжающих линию «деревенской прозы» и ориентированных на идеологически верные для журнала координаты сохранения традиции.

Описанные стратегии и тактики присвоения, используемые критикой «Нашего современника» и «Молодой гвардии», свидетельствуют об эволюции «консервативной» литературной критики в период с 1992-го по 2002 год, смене функционального статуса в поле литературы и идеологии. От роли непримиримого охранителя идеологических и гносеологических принципов/границ она приходит к роли в большей степени аналитика (в конце 1990-х – начале 2000-х годов появляются статьи, в которых обращение к полю идеологии сводится к минимуму. Как следствие – постепенное сужение ракурса видения и интерпретации литературной действительности – от обзора современной поэзии/прозы, угадывания некоторых тенденций ее развития, обязательно соотносимых с социальными проблемами, к анализу отдельных произведений или группы текстов одного автора), стратегически готового к освоению «чужого» пространства в пределах литературного поля. Но, несмотря на эту динамику, критические статьи «Нашего современника» и «Молодой

[14] Бурдье П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 5 (45). С. 29.

гвардии» 1990-х – начала 2000-х годов однородны по утверждаемой ценностной иерархии, создаваемому образу врага и оппозиции ему, по типу фиксируемых отклонений от нормы в общественном сознании.

Глава 6. **«Персональные коммуникативные и интерпретационные стратегии в критике «толстых» журналов рубежа XX – XXI вв.»** представляет анализ интерпретационных и коммуникативных стратегий ведущих критиков (Н. Ивановой, В. Бондаренко, М. Липовецкого, В. Курицына, Д. Быкова) в соотнесении с выявленными в предыдущих главах типологическими особенностями и динамикой литературной критики рубежа веков.

В разделе 6.1. **«Н. Иванова – критик-семиотик»** критическое мышление Н. Ивановой-критика осмысливается как мышление семиотическое, обусловленное мировоззренчески, предполагающее восприятие бытия как текста, а проявлений бытия как знаков. Занимаемая Н. Ивановой позиция – позиция декодирующего (предполагается, что текст бытия содержит искомые смыслы) смыслы. Критик подбирает соответствующий декод, метод интерпретации бытия как текста. Эти поиски проявляются и в конкретных литературно-критических опытах, и в сформировавшемся категориальном аппарате.

Н. Иванова гносеологически уподобляет процесс понимания тех или иных проявлений действительности профессионально близкому ей акту интерпретации. Она ориентирована на поиск подтекста, «скрытого сюжета». Восприятие действительности как текста объясняет следующие типологические свойства критики Н. Ивановой: восприятие литературной ситуации как многоуровневой структуры с видимым уровнем и уровнем подтекста; эффект «двойного зрения» в интерпретации. В исследовании личности писателя (Н. Иванова – критик автороцентричный) критик использует приемы анализа литературного персонажа. Литературная ситуация, в свою очередь, рассматривается как сюжетная, с обязательным изображением конфликтных столкновений.

Одной из важнейших гносеологических установок для Н. Ивановой является установка на вычитывание затекста (по словам критика, ей «важно не только то, что сказано, а и то, что сказалось, важен и контекст – как жизненный, так и литературный»[15]).

Инвариантный экзистенциальный «вопрос», который свойственен современной критике «Что есть Я/Мы в ситуации смены эпох?», объединяет статьи Н. Ивановой. В них выстраиваются два коррелирующих направления понимания (или «декодирования», по выражению критика) выбранного объекта. Первое связано с осмыслением явлений литературной и социальной

---

[15] Иванова Н. Бандерша и сутенер. Роман литературы с идеологией: кризис жанра // Знамя. 2000. № 5: [Электронный ресурс] // Знамя. 2000. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/ivanova.html (дата обращения: 21.05.2009).

действительности, второе (чаще имплицитно выраженное) – с отраженными в ней проблемами ментального характера, с процессом самопонимания. Изменение степени актуальности каждого из направлений интерпретации в статьях Н. Ивановой периода 1990-х – начала 2000-х годов свидетельствует об эволюции литературно-критического мышления критика.

Раздел 6.2. **«В. Бондаренко – критик-патриот»** посвящен анализу интерпретационной стратегии одного из самых противоречивых и авторитетных критиков патриотического толка.

Важная мировоззренческая и гносеологическая черта В. Бондаренко-публициста и критика второй половины 1990-х – 2000-х годов проявляется в уходе от крайних патриотических течений. Критик избегает догматичных, «завершенных» концепций, ориентирован на поиск компромисса, обеспечивающего широту критического ракурса и гибкость интерпретационной стратегии. Так, им обнаруживаются точки пересечения «красного» (Т. Глушкова, П. Проскурин, А. Иванов, Ф. Чуев и др.) и «белого», национально-православного, (И. Шафаревич, И. Глазунов, Л. Бородин, А. Солженицын и др.) патриотизма. В критике В. Бондаренко второй половины 1990-х годов функции значимых идеологически понятий меняются. Критик вводит промежуточное понятие в оппозиции «русский» – «нерусский», «народный» – «ненародный», «православный» – «неверующий», которое разбивает бинарность и начинает выполнять функцию своеобразного канала, связывающего противоположности. В результате В. Бондаренко добивается легитимности обращения к фигурам В. Высоцкого, Б. Ахмадулиной, И. Бродского в патриотическом дискурсе и др.

Гносеологически гибкая установка на ослабление дихотомии значимых идеологических оппозиций реализуется в особой интерпретационной стратегии В. Бондаренко. Для его статей характерны как типичные для патриотической критики охранительная стратегия в понимании и означивании того или иного литературного явления, актуализирующая границу «своего» поля, стратегия присвоения «нового» литературного факта путем набрасывания «своей» сетки значений, так и стратегия «захвата» позиций, закрепленных в «чужом» литературном поле. При этом направление интерпретации в текстах В. Бондаренко автороцентрично (от текста к автору). По сути, автор становится главным объектом интерпретации. Его жизненная/творческая судьба вписывается критиком в тот или иной тип сюжета (в работе выделяется их типология: «сюжет испытания» (цель интерпретационной стратегии в этом случае – обнаружить в перипетиях жизни писателя ситуацию столкновения с чуждым (искушения чуждым) ценностным/эстетическим ориентиром и истолковать реакцию писателя как значимое игнорирование «чужого»), «сюжет блудного сына» (цель критика – интерпретировать осознание писателем ложности прошлых идеологических/ эстетических установок и приобщение к патриотическим ценностям как неизбежный путь истинно народного писателя), «сюжет скрытой подлинности» (с целью обнаружения в художественных

текстах «чужого» автора свидетельства его подлинной, народной сути, в «чужом» увидеть «своего»).

Критика В. Бондаренко представляет собой уникальный в современной критике пример моделирования литературного поля. Либеральная и патриотическая критика как два варианта тоталитарного дискурса конструируют два некоррелирующих литературных поля, в которых как «свои» означиваются те или иные литературные явления. «Чужие» оказываются за пределами границ актуального поля. В модели литературного процесса В. Бондаренко, во-первых, присутствуют как «свои», так и «чужие», во-вторых, граница очерчивает не края поля, а проходит внутри. Эта граница, как было отмечено выше, проницаема, что придает сложной модели В. Бондаренко дополнительную динамичность: помимо пополнения новыми означаемыми эта модель предусматривает акты переозначивания. Модель В. Бондаренко, в этом смысле, близка той теоретической условной модели литературы, которую порождает все множество литературно-критических суждений рубежа XX – XXI вв. Однако эта близость формальна в силу не догматичного, но все же идеологически пристрастного критического мышления В. Бондаренко-патриота.

Процесс самоидентификации М. Липовецкого-критика как попытки двуязычия исследуется в разделе 6.3. **«”М. Липовецкий-критик” как фантомная идентичность».**

В своем творчестве в «толстых» журналах М. Липовецкий проходит два этапа, отражающих две ситуации дискурсного взаимовлияния и два опыта самоидентификации. Оба свидетельствуют о том, что модель критики(а) М. Липовецкого формируется на пересечении и в то же время отталкивании от дискурсов критики и науки и, соответственно, статусов критика и литературоведа. Суждения М. Липовецкого – результат занимаемой позиции «над» текстом и критикой. Литературно-критическое и литературоведческое осмысление литературного явления, в представлении критика, практически неразличимы, в то время как их текстовое воплощение в разной степени разноформатно, обусловлено фигурой адресата.

Осваивая литературно-критический дискурс, адаптируя к нему более близкий научный, М. Липовецкий выходит в затексты, которые предполагают главные компоненты структуры критической деятельности: текст собственного самосознания (компонент Критик), текст самосознания, жизненных перипетий художника (Автор), текст ментальных изменений в обществе (Адресат). Они определяют «прочтение» и оценку литературного явления. Второе направление освоения М. Липовецким языка критики обусловлено фигурой адресата (критик использует типичные для литературно-критической коммуникации тактики).

В то же время в критических статьях М. Липовецкого, опубликованных в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Урал», отсутствуют такие традиционные черты русской литературной критики, как эссеизм, социологичность, риторизм, полемичность, а акцентированная в текстах

позиция объективного наблюдателя и аналитика, специальная терминология, отсылки к отечественным и зарубежным литературоведческим, культурологическим и философским текстам, авторо- и текстоцентричность интерпретаций, прагматика, сводящаяся, преимущественно, к системе объективной аргументации, приближают тексты автора к научному дискурсу. Влияние научного дискурса проявляется и в повторяющемся из статьи в статью дистанцировании М. Липовецкого от той или иной группы литературных критиков.

Если в первой половине 1990-х годов М. Липовецкий публикует статьи, в которых затекст определяет интерпретацию того или иного литературного явления, в которых, как правило, осмысливаются те или иные тенденции в развитии социокультурного процесса, то, начиная с 1995-го года, появляются работы, посвященные отдельным текстам. Текстоцентричность сводит к минимуму влияние затекста и критического дискурса. Ослабление влияния затекста, детальное прочтение художественного текста, сведенное к минимуму моделирование диалога с читателем и адаптирование терминологически насыщенного текста для читателя-непрофессионала свидетельствует о том, что ведущим для М. Липовецкого во второй половине 1990-х годов оказывается научный дискурс. В то же время статьи рубежа 1990-х – 2000-х годов не укладываются в рамки только научного дискурса. В них вычленяется не менее важный момент самопонимания, актуальный для литературно-критической интерпретации.

Номинация «М. Липовецкий-критик» означает некую фантомную идентичность по отношению к автору. М. Липовецкий в критике не критик и не ученый. Он одновременно присутствует и отсутствует в обоих качествах. При этом не происходит конфликт идентичностей, не рождается ощущение несовпадения с самим собой. Имеет место это именно межъязыковое (или многоязыковое) самоосуществление. Такая ситуация, языковая и идентификационная, не уникальна в современной критике. Она характерна для М. Эпштейна, Е. Иваницкой, Е. Добренко, В. Славецкого, М. Берга, Л. Баткина и других литературоведов в критике.

Постмодернистская литературно-критическая стратегия представлена в исследовании критикой В. Курицына (раздел 6.4. **«В. Курицын – критик-постмодернист»**). В работе изучается не только специфическая форма представления суждений критика, традиционно служащая основанием для определения критики В. Курицына как постмодернистской, но и гносеологические установки, стратегии интерпретации, особенности самоидентификации, обусловленные постмодернистским миропониманием.

Размывание тотального/тоталитарного – типичная постструктуралистская установка – определяет критическую деятельность В. Курицына и все сегменты ее структуры: самоидентичность, интерпретацию, коммуникативную стратегию, текстопорождение. Ситуация постмодерна для В. Курицына – это прежде всего принципиально иная ситуация взаимоотношения

между смыслами и их описанием: на место фиксированности и адекватности, по мнению критика, приходит сомнение в самоадекватности объекта и непротиворечивости описания.

Критические тексты В. Курицына реализуют постмодернистскую идею отсутствия бинарности «субъект – объект», и как следствие, – невозможности внеположной позиции критика по отношению к явлению, аналитически бесстрастной оценки события (текста как события).

Видимый уровень проявления постмодернистского начала в критике В. Курицына – уровень текстопорождения. Он отражает такие типологические черты его критических текстов, как дискурсный релятивизм, авторефлексивность, монтажность, которые, в свою очередь, являются отражением постструктуралистских гносеологических установок критика. Под дискурсным релятивизмом понимается размывание сложившихся в сознании (не)профессионального читателя представлений о структуре, способах оформления высказываний в критическом тексте. Дискурсный релятивизм в критике В. Курицына имеет постмодернистское гносеологическое обоснование. Он позволяет добиться желаемого ухода от авторитарной позиции, которая предполагается традиционным литературно-критическим дискурсом, в рамках которого критическое суждение – это суждение, претендующее на общезначимость, а позиция критика – позиция авторитетного читателя. В. Курицын разрушает тоталитарность литературно-критического дискурса, обретая свободу от статуса авторитетной инстанции, от авторитарной позиции «над текстом», независимость от читателя (его фреймовых ожиданий, связанных с событием «встречи» с критическим текстом).

Другая особенность текстопорождения В. Курицына, связанная с постмодернистской парадигмой, – акцентированная авторефлексивность письма, которая проявляется в следующих формах: перебивы с целью уточнения собственных посылок; описание личных обстоятельств прочтения, осмысления, восприятия интерпретируемого; проецирование интерпретируемого на личную ситуацию. Авторефлексия, прерывая ход суждения, способствует, по В. Курицыну, сопротивлению возможной завершенности, окончательности интерпретации. Критику важно зафиксировать процесс осмысления, в том числе отклонения от главной нити рассуждений, сопутствующие эмоции, воспоминания, остающиеся за текстом в традиционном критическом дискурсе и представляющие ценность отражения процессуальности в постмодернистском. Письмо В. Курицына предполагает не развитие, приумножение смысла (не саму идею развития, перспективы), а остановку, описывание, торможение. Авторефлексия становится способом такого торможения.

Гносеологические установки постмодернистского свойства, образующие интерпретационную стратегию В. Курицына: установка на сопротивление/уход от различных форм тотального, установка на восприятие культуры и

интерпретации как повседневной практики, гносеологическая ориентированность не на результат интерпретации, а на процесс, эпистемологическая неуверенность как установка.

Установка В. Курицына на сопротивление/уход от различных видов тотального (агрессивного, авторитарного) захватывает все компоненты критической деятельности: уровень художественного текста, на котором тотальное проявляется в форме интенции учительства, авторитетности (дискурса, идентификационной позиции автора), каноничности жанра; уровень критика, тотальное проявление которого возможно в статусе снимающего и порождающего смыслы, обладающего авторитетом профессионального читателя, воздействующего на читателя; уровень порождаемого критического текста, тотальность которого обнаруживается в наличии прагматической цели, предполагающей разную степень манипуляции читательским вниманием/сознанием/ожиданиями, идеологического воздействия. В целом, это установка на сопротивление тотальности сложившегося позитивистского представления о сути критической деятельности, претендующей на авторитетность для читателя и направленной на познание смысла, авторской интенции, декодирование, адекватность которого обеспечивается методологически.

В разделе 6.5. **«Д. Быков – журналист в критике»** вычленяются типичные для критика интерпретационные установки. Вопрос самоидентичности, экзистенциально важный для Д. Быкова, определяет все направления его литературно-критической деятельности, отражаясь в сегментах: критик – художественный текст (момент интерпретации), текст – читатель (момент моделирования читательской реакции), критик – критический текст (процесс писания как процесс самоидентификации), критический текст – читатель (момент прагматики текста).

Наблюдения Д. Быкова за поэтикой текста редки и не отличаются глубиной, осмыслением функциональности тех или иных вычленяемых им деталей. В работе описаны повторяющиеся формы «ухода» критика от художественного текста: вычитывание возможных экзистенциально близких читателю смыслов, сосредоточенность на читателе и его ментальных потребностях, повышенное внимание к личности автора, его мировоззрению и мировосприятию, рефлексия над сюжетной ситуацией как над жизненной ситуацией и над героем как реальным лицом и т.п. В рецензиях Д. Быкова обнаруживается вместо устойчивой структуры критической деятельности ее децентрированный вариант, вместо заданного объекта интерпретации – подмененный, вместо понимания текста – уход от текста, вместо присутствия последнего – отсутствие.

Тексты Д. Быкова отражают особый род интерпретации, в ходе которой создается (и передается читателю) не знание о тексте, а его образ – комплекс эмоциональных, ассоциативных составляющих, опосредованных

характеристик. Образ текста создается критиком с помощью системы замещений: представление собственных (моделирование читательских) ощущений от прочтения текста, включение «чужих» оценок, литературных параллелей, создание звукового образа рецензируемого текста, формулирование писательской стратегии, направленной на читателя.

Объектом для Д. Быкова-критика преимущественно являются тексты с выраженным автобиографическим началом. Вычленение их из литературного потока, чтение и осмысление для Д. Быкова – своего рода обретение устойчивости в позиции воспринимающего (художественные тексты не дают такого ощущения, по словам критика, они «редко позволяют как-то идентифицировать себя с повествователем, потому что мне не совсем понятно, в каком пространстве этот повествователь существует»[16]). В «зыбкой» и «исчезающей», в восприятии критика, реальности переживаемые моменты идентификации с автором оказываются онтологически ценными, рождая чувство опоры в бытии.

Не постмодернист, но и не традиционалист по мировосприятию, Д. Быков осознает онтологическую ценность письма, вносящего смысл в бытие и рождающего ощущение самотождественности. В то же время в этой апологии писания, которое, как было замечено выше, не порождает суждения о тексте, а «блуждает» около текста, обнаруживаются следы постмодернистской переориентации с результата деятельности на процесс (писание). Процессуальность как базовое свойство письма снимает проблему центра. Тексты Д. Быкова демонстрируют такую децентрированность. В своих «уходах» от объекта интерпретации, создании образа интерпретируемого посредством замещений критик смещает центр с текста на автора, читателя, самого себя, не позволяя определить доминирующее направление интерпретации. Для него более важен процесс выговаривания, писания. Именно в эту сферу, сферу означающих, перемещается смыслополагание.

Исследованные персональные стратегии обнаруживают разнообразие литературно-критического взгляда как на литературную реальность, так и на природу самой критики, разные формы поиска самоидентичности. В то же время в них проявляются типологические признаки критики рубежа веков.

В **Заключении** представлены результаты исследования, определены перспективы дальнейшего изучения литературно-критической деятельности и литературной критики рубежа XX – XXI вв.

В **Приложении** на материале проведенного анкетирования устанавливается характер связи между критикой и ее профессиональным читателем, дается анализ причин востребованности различных критических суждений, определяется степень авторитетности и оснований авторитетности литературно-критического суждения для профессионального читателя,

---

[16] Быков Д. Читающий писатель: круглый стол: [Электронный ресурс] // Знамя. 1996. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1996/1/kritica.html (дата обращения: 13.10.2009).

определяется широкий и узкий круг авторитетных критиков, место «толстожурнальной» критики (и «толстых» журналов вообще) среди других источников информации о литературе в среде профессиональных читателей, степень ее авторитетности как информационного агента.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК России:

1. Говорухина Ю. А. Специфика современного литературно-критического текста как коммуникативного пространства // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – № 4. – С. 22–25.
2. Говорухина Ю. А. Явление субъективации в современной литературной критике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 15. – С. 48–55.
3. Говорухина Ю. А. Значимые оппозиции в отечественной литературной критике 1980 – 1990-х годов как репрезентаторы общественного сознания эпохи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 21. – С. 55–62.
4. Говорухина Ю. А. Познавательная идентичность современной литературной критики // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 76–88.
5. Говорухина Ю. А. Критика как литература // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 32–38.
6. Говорухина Ю. А. Метод современной литературной критики / Ю. А. Говорухина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 333. – С. 10–17.
7. Говорухина Ю. А. Ностальгия по советскому в литературной критике «толстых» журналов конца XX века // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 13–17.
8. Говорухина Ю. А. Литературно-критический дискурс как открытая система // Филология. Вестник ТГУ. – 2010. – Вып. 2. – С. 58–67.

Монография:

9. Говорухина Ю. А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию: Монография / Ю. А. Говорухина. – Томск : ИД СК-С, 2009. – 130 с. [рец.: Шунейко А. А. Говорухина Ю. А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию: монография // Ученые

записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 1-2(1). – С. 134].

Статьи в сборниках и журналах:

10. Говорухина Ю. А. Содержательный потенциал лакун в художественном тексте как коммуникативном пространстве // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. – Благовещенск : Изд-во Благовещенск. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 40–50.

11. Говорухина Ю. А. Текстовая лакуна как реализация писательской стратегии // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. пед ун-та, 2003. – Т.2. – С.491–497.

12. Говорухина Ю. А. Прагматическая компонента современного литературно-критического текста // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос.пед ун-та. 2004. – Т.1. – С. 146–150.

13. Говорухина Ю. А. Прагматическое пространство современного литературно-критического текста (к проблеме формирования читательского восприятия) // Смысловое пространство текста: материалы межвузов. науч.-теор. конф. Вып. 3. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во Камчатск. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 126 – 128.

14. Говорухина Ю. А. Реклама и современный литературно-критический текст // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III междунар. науч.-практ. конф.: в 3 т. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2005. – Т.1. – С. 413–417.

15. Говорухина Ю. А. Коммуникативная стратегия и ее реализация в современном литературно-критическом тексте // Культура тихоокеанского побережья: материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Новое видение культуры мира в XXI веке». – Владивосток : Приморская краевая организация добровольного общества любителей книги России, 2005. – С. 84–88.

16. Говорухина Ю. А. Объектное и проблемное поле литературной критики 1990-х годов // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в АТР: политические, экономические, социокультурные проблемы. Лингвистика и литературоведение Северной Пасифики: материалы междунар. науч. конф. – Владивосток : Изд-во Морского гос. ун-та, 2008. – С. 89–94.

17. Говорухина Ю. А. Функционирование современной литературной критики // Дальний Восток: наука, образование, культура в XXI веке: материалы III междунар. науч.-практ. конф. и конкурса молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2006 – С. 28–36.

18. Говорухина Ю. А. Литературная критика рубежа XX – XXI веков: проблема переходности // Смысловое пространство текста.

Литературоведческие исследования. Вып. VII: материалы межвузов. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамГУ, 2007. – С. 43–48.

19. Говорухина Ю. А. Литературная критика конца XX века: специфика отражения литературной действительности // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: материалы междунар. научн.-практ. конф.: в 2 ч. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 234–240.

20. Говорухина Ю. А. Современная литературная критика конца XX века в ситуации смены ценностных ориентиров // Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 402–406.

21. Говорухина Ю. А. Категория «метод литературной критики» в теоретическом освещении // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы X междунар. науч.-метод. конф. / отв. ред. А. Антипова. – Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2008. – С. 345–349.

22. Говорухина Ю. А. Особенности литературно-критического мышления Н.Ивановой // Смысловое пространство текста. Литературоведческие исследования. Выпуск VIII: материалы межвузов. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамГУ, 2008. – С. 62–71.

23. Говорухина Ю. А. К вопросу об особенностях порождения и восприятия литературно-критического текста // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: материалы III междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Б. Трофимова. – Бийск : ГОУ ВПО «БПГУ», 2008. – С. 68–72.

24. Говорухина Ю. А. Методология литературной критики как литературоведческая проблема // Литература и культура Дальнего Востока и восточного зарубежья: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. А. Гавриленко. – Уссурийск : Издательство УГПИ, 2008. – С. 121–126.

25. Говорухина Ю. А. Теоретико-критический дискурс второй половины XX века // Лингвистика: вопросы теории и методики: сб. науч. и науч.-метод. ст. / под общ. ред. И. В. Крисановой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2009. – Вып. 3. – С. 19–29.

26. Говорухина Ю. А. Риторика литературно-критического текста: специфика аргументации // Проблемы современного коммуникативного образования в вузе и школе: материалы II Всероссийской научн.-практ. конф. с междунар. участием: в 2 ч. / под ред. Т. Зотовой. – Новокузнецк : РИО КузГПА, 2009. – Ч. 1. – С. 130–135.

27. Говорухина Ю. А. Структура литературно-критической деятельности // Критика и семиотика. – 2009. – Вып. 13. – С. 192–203.

28. Говорухина Ю. А. «Враждебное» и «героическое» как гносеологические и риторические категории литературной критики «Нашего современника» и «Молодой гвардии» постперестроечного периода //

Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. каф. философии МПГУ. Вып. XLI. – М. : Экон-Информ, 2009. – С . 48–57.

29. Говорухина Ю. А. Литературная критика «Нашего современника» 1990-х годов: проблематика, интерпретационные стратегии и тактики // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. каф. философии МПГУ. Вып. XLI. – М. : Экон-Информ, 2009. – С . 57–65.

30. Говорухина Ю. А. Литературная практика как объект внимания критики 1990-х годов: особенности рефлексии // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XI междунар. науч.-метод. конф. / отв. ред. А. М. Антипова. – Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2009. – С. 23–29.

31. Говорухина Ю. А. Метакритика 1990-х: особенности саморефлексии в социокультурной ситуации конца века // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы IV междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Самара : ПГСГА, 2009. – Т. 1. – С. 34–41.

32. Говорухина Ю. А. «Реальная» и «эстетическая» литературная критика как дискурсивные формации // Науки о человеке, обществе и культуре: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2009. – С. 36–46.

33. Говорухина Ю. А. Проблемы общественного сознания постперестроечного периода в литературно-критической рецепции // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. каф. философии МПГУ. Вып. XLI. – М. : Экон-Информ, 2009. – С. 65–74.

34. Говорухина Ю. А. Стратегии и тактики присвоения литературного поля критикой «Нашего современника» и «Молодой гвардии» // Лингвистика: вопросы теории и методики: сб. науч. и науч.-метод. ст. Вып. 4. / под общ. ред. И. В. Крисановой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2009. – С. 15–29.

35. Говорухина Ю. А. Формы присутствия В. Шукшина в литературной критике конца XX века: образ, знак, миф // Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве: материалы VIII Всероссийской юбилейной науч. конф. (с междунар. участием) / под ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2009. – С. 45–49.

36. Говорухина Ю. А. Интерпретационные установки литературного критика В. Бондаренко // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2010. – С. 51–58.

37. Говорухина Ю. А. В. Курицын – критик-постмодернист // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2010. – С. 58–65.

38. Говорухина Ю. А. Литературно-критическая стратегия Дмитрия Быкова: от текста к образу текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов : Изд-во «Грамота», 2010. – № 1(5). – Ч. 1. – С. 88–91.

Подписано к печати 13.07.2010. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл.печ.л. 2,5. Уч.-изд.л. 2,26
Заказ 1168-10. Тираж 150 экз.

Издательство ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
Тел./факс: 8(3822)56-35-35, www.tpu.ru